

Вкругъ скалъ огнистой лентой вьется
Печальной молніи змѣя,
Стихій тревожный рой мятется—
И здѣсь стою недвижимъ я.

Стою.—Ужель тому ужасно
Стремленіе всѣхъ надземныхъ силъ,
Кто въ жизни чувствовалъ напрасно
И жизнь обманутъ былъ?
Вокругъ кого, сей ядъ сердечный,
Вились сужденія клеветы,
Какъ вкругъ скалы остроконечной,
Губитель-пламень, вьшся ты?
О нѣтъ! Летай огонь воздушный,
Свистите вѣтры надъ главою,
Я здѣсь, холодный, равнодушный,
И трепеть не знакомъ со мной. [конечь,

Гроза шумитъ въ моряхъ съ конца въ
Корабль летитъ по волѣ бурныхъ водъ,
Одинъ на немъ спокоенъ лишь пловецъ,
Чело печать глубокихъ думъ несетъ;
Угасшій взоръ на тучи устремленъ;
Не вѣдаютъ ни кто, ни что здѣсь онъ!...
Конечно, онъ живалъ между людей
И знаетъ жизнь отъ сердца своего:
Крикъ ужаса, моленья, скрипъ снастей
Не трогаютъ молчанія его.

З в ѣ з д а .

Свѣтись, свѣтись, далекая звѣзда,
Чтобъ я въ ночи встрѣчалъ тебя всегда;
Твой слабый лучъ, сражаясь съ темнотою,
Несетъ мечты душѣ моей больной;
Она къ тебѣ летаетъ высоко,—
И груди сей свободно и легко.

Я видѣлъ взглядъ, исполненный огня
[Ужъ онъ давно закрылся для меня],
Но, какъ къ тебѣ, къ нему еще лечу
И, хоть нельзя,—смотришь его хочу...

Еврейская мелодія.

Видали-ль когда, какъ ночная звѣзда
Въ зеркальномъ заливѣ блеститъ,
Какъ трепещетъ въ струяхъ, какъ сере-
бряный прахъ
Отъ нея, рассыпаясь, бѣжитъ.

Но поймать ты не лъстись, и ловить не
Обманчивы лучъ и волна... [берись:
Мрагъ тѣни твоей только ляжетъ на ней,
Отойди-жь—и заблещетъ она!

Свѣтлой радости такъ безпокойный при-
зракъ

Насъ манитъ подъ хладною мглой
Ты схватить—онъ, шутя, убѣжитъ отъ
тебя,

Ты обмануть—онъ вновь предъ тобой!

Вечеръ послѣ дождя.

Гляжу въ окно: ужъ гаснетъ небосклонъ;
Прощальный лучъ на вышинѣ колоннъ,

На куполахъ, на трубахъ и крестахъ
Блеститъ, горитъ въ обманутыхъ очахъ;
И мрачныхъ тучъ огнистые края
Рисуются на небѣ, какъ змѣя,
И вѣтерокъ, по саду пробѣжавъ,
Волнуетъ стебли омоченныхъ травъ.

Одинъ межъ нихъ примѣтилъ я цвѣтокъ.
Какъ будто перлъ, покинувшій востокъ,
На немъ вода, блистаючи, дрожитъ;
Главу свою склонивши, онъ стоитъ,
Какъ дѣвушка въ печали роковой:
Душа убита, радость надъ душой;
Хоть слезы льетъ изъ пламенныхъ очей,
Но помнить все о красотѣ своей.

Наполеонъ.

ДУМА.

Въ невѣрный часъ, межъ днемъ и темнотою,
Когда туманъ свѣтѣтъ надъ водой,—
Въ часъ грѣшныхъ думъ, видѣний, тайнъ и
Которыхъ лучъ узрѣть бы не хотѣлъ, [дѣлъ,
А тьма укрыть,—чья тѣнь, чей образъ тамъ,
На берегу, склонивши взоръ къ волнамъ,
Стоитъ вблизи набеннаго креста?
Онъ не живой, но также не мечта
Сей острый взглядъ съ возвышеннымъ че-
И двѣ руки, сложенные крестомъ. [ломъ

Предъ нимъ лепечуть волны, и бѣгутъ,
И вновь приходятъ, и о скалы бьютъ;
Какъ легкая вѣтрила, облака
Надъ моремъ носятся изъ далека.
И вотъ глядитъ невѣдомая тѣнь
На тотъ востокъ, гдѣ новый брезжетъ день
Тамъ Франція! тамъ край ея родной
И славы слѣдъ, быть можетъ скрытый мглой;
Тамъ средъ войны, ея неслися дни..
О, для чего такъ кончились они?

Прости, о слава, обманувшій другъ!
Опасный ты, но чудный, мощный звукъ,
И скипетръ—васъ разбилъ Наполеонъ;
Хотя давно умершій, любить онъ
Сей малый островъ, брошенный въ моряхъ,
Гдѣ сгнилъ его и червемъ съѣденъ прахъ,
Гдѣ онъ страдалъ, покинутъ отъ друзей,
Презрѣвъ судьбу съ гордыней прежнихъ дней,
Гдѣ стаивалъ онъ на берегу морскомъ,
Какъ нынѣ грустенъ, руки сжавъ крестомъ.

О! какъ въ лицѣ его еще видны
Слѣды заботъ и внутренней войны,
И быстрый взоръ, дивящій слабый умъ,
Хоть чуждъ страстей, все полноъ прежнихъ
думъ.

Сей взоръ, какъ трепеть, въ сердце проникалъ
И тайныя желанія узнавалъ,
Онъ тотъ же все; и той же шляпой онъ,
Сопутницею жизни, ослѣненъ.

Но посмотри—ужъ день блеснулъ въ стру-
Призрака нѣтъ, все пусто на скалахъ. [яхъ...

Нерѣдко внемлетъ житель сихъ береговъ
Чудесные рассказы рыбаковъ: